

УДК 93

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-445-454

EDN SJSZMI

Оригинальное исследование

Школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.: от демонтажа к новым практикам

Ермоченко К.П. Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4Email: ermochenko.konstantin@gmail.com

Аннотация. В статье выявляются особенности становления и развития нового школьного исторического образования в 1918–1930-х гг., формируемого после отказа от «буржуазной истории», структурно-содержательный контент которого находился под влиянием руководителей строительства советского государства. История как самостоятельная учебная дисциплина в системе школьного образования, выступая в роли носителя идеологических установок в рассматриваемый период, оказалась втянута в советский эксперимент по построению нового общества с сопутствующим становлением концепции «нового человека». Советская действительность не могла принять опыт имперской России в вопросе школьного строительства. Автор приходит к выводу о том, что избежать реформ в сфере школьного исторического образования 1918–1930-х гг. было невозможно, потому что его традиционная добольшевистская основа противоречила ценностным установкам советской власти.

Ключевые слова: советское государство, единая трудовая школа, история, историческое образование, обществоведение

Для цитирования: Ермоченко К.П. 2025. Школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.: от демонтажа к новым практикам. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 445–454. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-445-454. EDN: SJSZMI

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

History Teaching in Schools in 1918–1930s: From the Unmaking to New Practices

Konstantin P. Ermochenko Smolensk State University,
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: ermochenko.konstantin@gmail.com

Abstract. The article reveals the formation and evolution peculiarities of the new approach to teaching history in schools from 1918 to 1930s that formed after the denial of ‘Bourgeois History’ and was influenced by Soviet leaders. At that time, History, being a separate academic discipline, was involved in the society constructing experiment and incorporated in the establishment of the ‘new man’ concept as an ideo-logical tool. The imperial educational traditions were incompatible with the new Soviet realities. Thus, the objectives, structure and content of history education requested new practices corresponding to Bolshevik ideology. The Soviet education system was based on the model of a unified labor school, with the main focus on polytechnicism and ideological orientation. The author comes to the conclusion that educational reforms in 1918–1930s were inevitable in history teaching because of the contradiction between pre-Bolshevik teaching traditions and new Soviet value orientations.

Keywords: Soviet State, unified labor school, History, history teaching, social studies

For citation: Ermochenko K.P. 2025. History Teaching in Schools in 1918–1930s: From the Unmaking to New Practices. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 445–454 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-445-454. EDN: SJSZMI

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Сразу после прихода к власти партии большевиков в строящейся советской школе, поставленной на путь реформирования и поиска новых путей своего развития, руководством страны был запущен процесс коренного пересмотра прежней добольшевистской системы школьного образования. Дореволюционные идеологические и методологические основы образовательного процесса были отвергнуты, потому что они основывались на идейных принципах прежнего строя. Центральное место в вопросе обновления и модернизации школы отводилось уместности сохранения предмета истории в своей традиционной дореволюционной форме. 1918–1930-е гг. стали неоднозначным временем для предметной исторической подготовки, задачи, структура и содержание которой в условиях советской действительности нуждались в обновлении.

Школа в условиях новой власти вплоть до начала 1930-х гг. представляла собой совокупность обновляющихся, замещавших друг друга образовательных практик, в основе которых лежали идеологические и структурные компоненты модели строящегося советского государства. Только к 1930-м гг. школа сложилась как общественно-государственная система, организационная структура которой была способна удовлетворить образовательно-социальные запросы советского государства и общества. В связи с этим концепт «советской» школы в 1918 – начале 1920-х гг. в условиях *строящегося* государства является не корректным, так как не способен адекватно осмыслить его формирующийся опыт [Гришаев, 2014]. Первые советские практики в отношении школы нашли свое отражение в 1918 г., когда на смену имперской образовательной системы пришла единая трудовая школа РСФСР (ЕТШ), «Основные принципы» и «Положения» [Положение о Единой Трудовой Школе РСФСР 1918, 1974, с. 112–114] которой впоследствии заложили концепцию новой школы советской России: дореволюционные разнотипные школы были заменены обязательными государственными школами, в которых учащиеся осваивали образовательную программу вместе. Так, школа постепенно становилась светской, а раздельное обучение мальчиков и девочек уходило в прошлое. Труд, трудовое воспитание должны были стать основой образовательного процесса, до середины 1920-х гг. остававшегося беспредметным.

Реформаторы школьного образования четко осознавали, что история является тем эффективным инструментом, который способен воспитать коммунистические ценности: каждый участник образовательного процесса (советский школьник и его родители, советское учительство) с ее помощью (*или под ее нажимом*) должен выработать стойкую уверенность в правоте всех выдвинутых задач по строительству «нового общества» советской России. Но, с другой стороны, было и четкое понимание того, что любое знание о прошлом без нужного идеологического подкрепления в интересах новой власти может для советской школы стать мощным инструментом по формированию ложных (не отвечающих запросам большевистского руководства) и неправильных представлений и интерпретаций в отношении исторических событий и явлений. Последнее могло стать источником формирования и распространения антисоветских взглядов в школьной среде. Лидеры советской России не могли этого допустить ни при каких условиях, потому что ими уже был запущен процесс строительства «нового» общества. Школа играла важную роль проводника советских идей. Она оказалась в условиях постоянного контроля со стороны власти. Таким образом, вопрос о необходимости изменений в школьном историческом образовании был порожден советской

действительностью, которая не приняла установки и опыт царской России. Настороженное отношение новой власти к истории, как отмечает современный исследователь Е.Ю. Быкова, было вызвано той осознанной и видимой *опасностью*, которую несло в себе дореволюционное историческое образование: этот «старый мир» необходимо было разрушить до основания [Быкова, 2011].

Объект и методы исследования

Актуальность исследования. Сегодня в условиях быстро меняющегося мира гуманитарное знание оказывается уязвимым с позиции устойчивости своих объяснительных подходов и трактовок и нуждается в постоянном развитии, дополнении и поиске актуальных научных основ (обновленных фактов, законов и принципов) для защиты своих дисциплинарных полей. История занимает свое особое место в системе гуманитарных наук, играет важную роль при сохранении и укреплении национального самосознания, очень чутко реагирует на значимые социальные изменения в обществе. Школьное историческое образование в современной России в условиях актуальных общественно-политических запросов постоянно подвергается реформированию, пересмотру отдельных структурно-содержательных компонентов.

Объектом исследования выступает школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.

Целью исследования является изучение процесса становления советского школьного исторического образования в 1918–1930-х гг., выявление его особенностей и механизмов включения в общую модель советской школы.

Принцип историзма и научной объективности стали основой данного исследования, а сравнительный и историко-системный методы позволили последовательно и комплексно изучить конкретные исторические факты и явления и выявить причинно-следственные связи между ними.

Вопросу развития школьного исторического образования рассматриваемого периода посвящено достаточное количество научных работ отечественных историков (Л.П. Бущик [Бущик, 1961], Н.А. Багрова [Багрова, 2001], М.И. Кругляк [Кругляк, 1964], коллективный труд В.П. Витевицкого и С.Я. Лавренова [Витевицкий, Лавренов, 2016] и др.). Отдельно следует назвать работу «Очерки по истории советской школы за 30 лет» (Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский), которая для современных исследователей является ценным источником при изучении вопроса становления и развития советской школы и педагогики первых десятилетий новой власти [Константинов, Медынский, 1948]. Научные труды названных авторов легли в основу данного исследования.

Результаты и их обсуждение

«История – это прошлая политика, а политика – сегодняшняя история» (Э. Фримен)

Перед строителями «новой» школы стояла задача критического переосмысления опыта дореволюционной системы школьного исторического образования и на его основе создания обновленной ее модели, в которой на первом месте стоял бы *идеологический компонент*, провозглашенной В.И. Лениным 2 октября 1920 г. в программном выступлении на III Всероссийском съезде РКСМ *концепции коммунистической морали* [Курилов, 2019]. Изучение рассматриваемой проблематики неразрывно связано с деятельностью авторитетных идеологов этого периода. В первую очередь следует назвать А.В. Луначарского (первый нарком просвещения до 1929 г.) и историка М.Н. Покровского. Систематичность истории – буржуазной науки, согласно его мнению, оказывала негативное влияние на процесс формирования личности школьника. В 1928 г. в докладе «Общественные науки в СССР за 10 лет» М.Н. Покровский определил историю как «*политику, опрокинутую в прошлое*» [Покровский, 1965]. Автор подверг критике не только целостность исторического образования, но и само историческое знание в целом, считая его лишь буржуазной выдумкой. Всякое историческое произведение, как считал

советский историк-марксист, это «образчик известной *идеологии* как отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых» [Покровский, 1933]. Отметим, что в исследованиях 1940-х гг. авторы открыто связывали провалы начального этапа строительства советской школы с именем М.Н. Покровского, антиисторичная концепция преподавания которого, в частности, и привела к этому [Кругляк, 1964]. Советский историк, член-корреспондент АН СССР (1939) А.В. Шестаков роль М.Н. Покровского в исторической науке рассматривал как последовательное немарксистское понимание исторических процессов в России. Историк удалось выявить следующие ошибки, которые были допущены авторитетным идеологом своего времени в отношении истории и исторического образования: во-первых, было неправильно отрицать объективность науки вообще и истории в частности («история – это политика, обращенная в прошлое»), во-вторых, «вульгарный экономический материализм», как считал А.В. Шестаков, был не уместен при объяснении исторических явлений. Постепенно взгляды М.Н. Покровского стали рассматриваться как препятствие распространения официально признанных научных знаний о прошлом: на смену «покровскому» пришло «сталинско-академическое» направление исторических исследований [Киселев, 2019].

В свою очередь, А.В. Луначарский призывал избавить «новую» школу от любого влияния «*мертвой истории*» со своим запоминанием событий и фактов ради самого запоминания. Это все «мертвое обременение памяти», от которого необходимо было оказаться. Все старое, отмечал нарком просвещения, «заражено известными пороками... это ночь человеческого полусуществования, потому что оно заполнено развитием общества классового, ...несправедливого...» [Луначарский, 1918]. Большую роль нарком отводил личности самого историка, который оказывается зависимым от того, к чему привык, скованным всем тем, что в быту у него создается и происходит. Ему сложно вырваться из этих условий, но он должен это сделать, чтобы каждый человек, который его слушает, почувствовал бы себя отдельным советским «строителем», участвующем в строительстве общем, коллективном. Новая история должна была воспитывать, как считал А.В. Луначарский, «чувство принадлежности к некоему «мы», судьба которого стала бы более интересной и важной, чем своя собственная. На смену «мертвой истории» должна прийти история общественно-политического строя, классовой борьбы, история труда [Луначарский, 1918, с. 89]. Такие взгляды советских идеологов оказали огромное влияние на судьбу систематического исторического образования в советской школе, от которого впоследствии было предложено отказаться.

В.И. Ленин писал о том, что нужно «пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации науки человека человеком...» [Бушник, 1961]. Преподаватели общественно-исторических школьных дисциплин раньше других кругов учительства должны были определить свое политическое кредо, свое отношение к новой власти и к принятым большевистским руководством методам строительства советской школы. Работа учителя в новых условиях так или иначе касалась вопросов политики и государственной власти. О тесной взаимосвязи политической и исторической науки еще в XIX в. говорил профессор Оксфордского университета историк Эдуард Фримен (1823–1892), считая историю «*прошлой политикой, а политику – сегодняшней историей*» [Горелов, 2017].

Работа Наркомпроса по пересмотру дореволюционной учебной литературы и составлению учебных программ

Чтобы помочь определиться учителю «новой» школы с его пока еще идеологическими колебаниями, было навязано советское печатное слово: начался процесс пересмотра всех имеющихся учебников и учебных пособий дореволюционного времени, некоторые из которых были все-таки допущены к использованию Наркомпросом. Это труды Е.А. Звягинцева,

К.В. Сивко, «Очерки и рассказы для первоначального знакомства с историей» П.М. Шестакова, Н.В. Тулупова. Книги В.Я. Уланова («Опыт методики истории в начальной школе»), Д.А. Жаринова и Н.М. Никольского и др. применялись учителями в качестве пособий для подготовки к занятиям.

Но большая часть всех учебников и учебных пособий по истории по своему содержанию и направленности противоречила основным принципам строящейся советской школы, не соответствовала новым задачам, которые ставились перед ней. В связи с этим возникла необходимость в создании новых, советских учебников для учащихся и методических руководств для учителей. 3 февраля 1919 г. соответствующим отделом Наркомпроса, занимавшимся непосредственно вопросами реформирования школы, был объявлен конкурс, практическим результатом которого должны были стать составленные для учащихся I и II ступени книги по истории. Участникам конкурса предлагалось составить четыре учебные книги по следующим разделам и ступеням:

- «– по русской истории для учащихся школ I ступени;
- по истории культуры для первых годов обучения в школе II ступени;
- по новейшей истории в связи с историей социализма на Западе и в России;
- по русской истории для учащихся школы II ступени и самообразования».

Предполагалось вручение премии за составленную и принятую учебную книгу в каждой категории. Ее размер утверждало жюри конкурса, в состав которого вошел и М.Н. Покровский. Но комиссия Отдела реформы школы, которая организовывала этот конкурс, в первую очередь по причине глубоких программно-методических разногласий в самом Отделе (также из-за краткости сроков конкурса и недостаточной подготовленности самих педагогов) не смогла выполнить задуманное. Уже на второй день после решения о проведении конкурса коллегией Отдела реформы было одобрено соответствующее постановление съезда заведующих губернскими отделами народного образования (губоно) о том, что при условии недостаточности сил и технических средств массовые формы работы с детьми не смогут всюду с самого начала достигнуть нормального уровня школ I и II ступени.

В докладах заседаний коллегии Отдела реформы все отчетливее стали звучать мнения о том, что задача разработки планов занятий по истории является по существу неразрешимой. Многие докладчики вовсе высказывались за ликвидацию истории как отдельного учебного предмета (Б.З. Вульф). Постепенно значение занятий историей члены Отдела стали ограничивать лишь развитием детских интересов: во-первых, история замещает сказку, тем самым дает детям «пищу для воображения», картины прошлого, которые предоставляет история, возбуждают мысль детей; во-вторых, история дает возможность перерабатывать те представления, которые отложились в результате «мифического» и «фантастического» периода детского мышления. Эта система взглядов на значение занятий историей на заседании коллегии Отдела реформы школы была охарактеризована в качестве биогенетического подхода, чуждого материалистическому пониманию исторической науки.

22 февраля 1919 г. на заседании коллегии Отдела реформы Д.А. Кашинцев предложил заменить занятия историей, которые имели место в школе I ступени, на совокупность простейших данных и сведений из сферы культуры, этнографии и других дисциплин. Историю должно было заменить обществоведение, построенное в методологическом отношении по принципу: от ближайшего, видимого через наглядность к отвлеченному (*от живого восприятия к обобщениям и выводам*). Предлагалось материал этого курса изучать в первые годы в порядке *ретроспекции* («от современных объектов к грубейшим историческим примитивам»), в последующие годы – в порядке *проспекции* («от данного объекта до пределов современных технических, социальных и других усовершенствований») [Бущик, 1961, с. 105].

Следует отметить, что предложение Д.А. Кашинцева, как и программа проекта нового курса, была принята, то есть вопросы и проблемы *обществоведения*, которые возникали как в школьной среде во время живых бесед, так и в семье, подменяли традиционные исторические темы, которые уже были не способны решать конкретные реальные задачи, стоявшие перед

строящейся советской школой. Для укрепления связи обучения с трудовой деятельностью и замены «нудного вызубривания» школьного учебника по русской истории Отдел реформы школы Наркомпроса предложил конкретную схему анализа основных вопросов обществоведения. Предполагалось изучение деревни, города и России в целом на основе выявления основных занятий населения, его особенностей быта, культурных проявлений, характеристики системы управления и организации хозяйственной жизни.

Такая последовательность изучения вопросов, по замыслу составителей программы курса обществоведения, позволила бы наполнить обучение живыми и творческими беседами о различных явлениях окружающей общественной жизни с постепенным переходом от более близкого к более далекому. Именно такой принцип построения учебного материала способствовал бы, как указывали идеологи, воспитанию новых граждан – строителей коммунизма в советской школе, ставшей, согласно программе РКП(б) 1919 г., орудием перерождения коммунистического общества. Последнее положение выступало теоретической основой школьного реформирования 1920-х гг. в целом [Программа РКП(б) 18–23 марта 1919 г., 1974, с. 18].

К осени 1919 г. в работе самого Наркомпроса по определению системы и содержания школьного курса истории наметились существенные изменения: Отдел реформы школы, программно-методические ошибки которого на IX съезде партии осудил А.В. Луначарский, был закрыт. Следует отметить, что главным результатом этих структурных изменений в работе Наркомпроса стало не столько упразднение важного Отдела реформы школы, сколько, как отмечал А.В. Луначарский, произошедшая смена курса, а вместе с ней – смена руководящих лиц [Некрылова, 2023].

Уже в начале 1920 г. Отдел ЕТШ Наркомпроса приступил к переработке учебных планов и программ для школ I и II ступени, которые в скором времени были опубликованы. Так, для школы I ступени было отведено 11 часов, чтобы учащиеся могли освоить общественно-исторические темы. Это все согласно плану-максимуму. В школе II ступени на эти же вопросы давалось 20 часов. Их идейно-политическое значение подкреплялось новыми учебными предметами. Так, например, возник курс экономической географии или политики. Содержание учебного материала в опубликованных примерных программах для школ II ступени раскрывалось уже более последовательно, конкретно и систематично, признавая необходимость давать исключительно фактическое обоснование всем возникающим событийным представлениям. Так, история постепенно становится всего лишь описанием различных сторон человеческой жизни. То есть речь идет об отсутствии самостоятельных систематических учебных курсов по всем разделам отечественной и всемирной истории. Можно согласиться с мнением современных исследователей (Некрылова О.Г., Аверкиева А.А.), которые считают, что конкретно-исторические условия 1920-х гг. оказали сильное влияние на процесс преподавания истории в школе: освоение ее общих представлений и понятий привело к тому, что она просто растворилась в курсе школьного обществоведения [Там же, с. 53].

От истории к обществоведению

Обществоведение, построенное на синтезе различных учебных дисциплин (право, экономика и др.), в 1921 г. с выходом в свет новых программ лишало историю статуса самостоятельного учебного предмета. Оно включало в себя сведения из истории культуры, социологии, политической экономии и других научных дисциплин и областей, суммарность которых как бы должна была затмить необходимость в преподавании единого школьного курса истории. Так, по мнению советского историка М.Н. Коваленского, обществоведение могло бы законы общественной жизни сделать доступными для маленьких «творцов новой жизни» [Современность и обществоведение в школе, 1923, с. 88]. В условиях ЕТШ эта идея никаким образом не противоречила общей направленности содержания учебно-

воспитательной работы, проводимой в области гуманитарного образования. Так, обществоведение стало играть роль одной из главных мировоззренческих дисциплин в школе.

С 1923 г. под руководством ГУСа началось введение комплексных школьных программ. В них большая роль отводилась вопросам и проблемам, изучение и решение которых, по мнению их авторов, были полезны для учащихся и имели тесную связь с трудовой деятельностью. С этого же года параллельно преподаванию обществоведения вводилась политграмота. Введение этого курса было необходимо для возобновления систематической работы по политическому просвещению в школах. Следует отметить, что он был хорошо продуман, включал в себя вопросы и задания, которые позволяли не просто прочно усваивать материал и запоминать основные события, но и фиксировать в памяти идеологически важную информацию. Например, зная точную дату жизни и смерти В.И. Ленина, предлагалось определить, в каком возрасте он умер (ответ: в возрасте 53 г.). Часто сами формулировки заданий могли давать политически «верную» информацию: «Годовой доход московского митрополита выражался приблизительно в сумме 81 000 руб. Митрополит получал 300 % этой суммы. Сколько школьников можно было бы содержать на эти деньги, если содержание школы на 120 учащихся обходится в год в 4 500 руб.?». Не решая задачу, уже понятно, кого можно считать врагом советского государства! [Липатова, 2020]. Обществоведение стремительно стало входить в программы советских школ. В 1925 г. в основу его изучения была положена схема: «природа, труд, общество» [Чемоданова, 2009]. В таких условиях школьные общественно-исторические дисциплины существовали вплоть до конца 1920-х гг. Но политические задачи форсированной индустриализации, коллективизации и нарастание классовых противоречий в деревне в начале 1930-х гг. подтолкнули советское руководство к пересмотру роли истории в идеологическом обосновании происходивших в стране процессов.

Восстановление истории в качестве самостоятельной учебной дисциплины

1930-е гг. прошли под лозунгом отказа советской власти от экспериментаторства в отношении школьного исторического образования и истории в целом. Началось постепенное возобновление предметного принципа преподавания, восстановление классно-урочной системы. История смогла вернуть себе статус самостоятельного школьного предмета с признанием ее методологических принципов непрерывности и преемственности в изучении исторического прошлого. Она должна была направить мысль ребенка на «элементарное понятие об истории как науке о человеческом обществе в различные отрезки времени» [Лубков, 2024].

Постановление 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» признавало необходимым излагать исторические факты и события в хронологической последовательности с обязательной характеристикой исторических деятелей. Возникла необходимость в подготовке новых учебников по истории, которые стали бы для учителя и ученика эффективным средством при организации процесса обучения в живой занимательной форме. Учебная литература прошлых годов со своей абстрактностью для этого уже не подходила [Директивы ВКП(б), 1947, с. 204–205]. Началась одновременная работа (соревнование) московской и ленинградской группы авторов по составлению учебника по истории СССР. Содержание и структуру исторического образования в младших классах определял введенный в этом же году элементарный курс всеобщей истории и истории СССР. К середине 1935 г. макеты учебников были подготовлены, но, получив отрицательные отзывы в ЦК, так и не были применены на практике. В 1936 г. вводилась специальная комиссия под председательством А.А. Жданова, которая непосредственно занималась вопросами подготовки новой учебной литературы по истории. Для учителей в отдельных журналах («Борьба классов», «Исторический журнал» и др.) размещались важные методические рекомендации по историческим вопросам и темам. «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 г. стал теоретической базой для школьного исторического образования [Ефимов, 1957]. Постепенно возобновлялась подготовка учителей истории: в 1933 г. был создан Отдел

подготовки учителей и университетов (с 1936 г. – Управление высшей школой), в которых возобновлялось историческое образование. В этом же году было принято постановление о создании постоянно действующей системы повышения квалификации учительских кадров. Уже в 1934 г. Наркомпрос провел целый комплекс образовательных встреч и совещаний с учителями истории, общим итогом которых стали выработанные рекомендации по улучшению профессиональной подготовки учителей.

Заключение

Таким образом, 1918–1930-е гг. стали для школьного исторического образования и истории как учебной дисциплины в целом временем экспериментального поиска новых основ существования этой группы гуманитарных наук, способных принять и эффективно транслировать в среде обучающихся идеологию советской власти, став «орудием по созданию нового человека». Это время метания и поиска «верного» метода производства «нужной» истории. Оно породило многие ошибки, главная из которых, как нам кажется, – это отсутствие минимума систематического знания по истории, которое могли получить за это время учащиеся. Но без этого история не стала бы столпом государственной системы воспитания и образования граждан советской России. Очевидно, что история не могла в условиях новой власти основываться на добольшевистских началах. Поэтому до конца 1920-х гг. ее заменили разрозненные исторические экскурсии и отдельные обществоведческие сюжеты. История стала всего лишь кратким социологическим обзором явлений и событий прошлого через политграмоту, историю культуры и другие курсы. Она рассматривалась как нечто второстепенное, как подготовительный этап для становления настоящего. Проблем развития исторического образования в «новой» школе нельзя было избежать. Советская власть диктовала свои правила, ценностным основам которых история не должна была противоречить. Единство прошлого и советского настоящего до начала 1930-х гг. не смогло справиться с идеологическим разрывом этих времен.

Список источников

- Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. 1947. Сборник документов. 1917–1947. Москва, Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 320 с.
- Положение о Единой Трудовой Школе РСФСР 1918 года. 1974. Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917–1973 гг. Москва, Педагогика, 137 с.
- Программа РКП(б) 18–23 марта 1919 г. 1974. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917–1973 гг. Москва, Педагогика, 18 с.

Список литературы

- Багрова Н.А. 2001. Становление школьного исторического образования в советской России, 1920–1934 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 26 с.
- Бущик Л.П. 1961. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. Москва, Акад. пед. наук РСФСР, 542 с.
- Быкова Е.Ю. 2011. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 1(13): 1–11.
- Витевицкий В.П. 2016. История как предмет в школах России. Часть 2. Историческое образование в СССР. *Обозреватель*, 8(319): 68–91.
- Горелов М.М. 2017. Эволюция и континуитет английских политических традиций в творчестве Э. Фримена. *Диалог со временем*, 58: 271–284.
- Гришаев О.В. 2014. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 – начале 1930-х годов. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 15(186): 144–151.
- Ефимов А.В. 1957. Изучение в СССР новой истории за сорок лет (1917–1957). *Вопросы истории*, 10: 220.

- Киселев М.Ю. 2019. М.Н. Покровский и его школа: оценка историка А.В. Шестакова. В. кн.: Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях (Томск, 3–4 октября 2019 года). Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет: 149–153.
- Константинов Н.А., Медынский Е.Н. 1948. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. Москва, Гос. уч.-пед. издательство Министерства просвещения РСФСР, 472 с.
- Кругляк М.И. 1964. Развитие основных взглядов на преподавание истории в русской школе. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 43.
- Курилов В.А. 2019. «Строитель коммунизма» и «homo religiosus» в философском дискурсе марксистско-ленинской этики. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 3: 102–117.
- Липатова Н.В. 2020. Политобразование как инструмент формирования нового человека в 1920-е гг. В кн.: *Ленин... История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX – начале XXI в.* Материалы II Международного форума историков, философов и публицистов. К 150-летию со дня рождения В.И. Ленина (22 апреля – 08 октября 2020 года). Ульяновск, Автономная некоммерческая организация «Центр стратегических исследований Ульяновской области»: 182–184.
- Лубков А.В. 2024. О едином учебнике истории. Концептуальные подходы. *Преподаватель XXI век*. 1(24): 311–312.
- Луначарский А.В. 1918. О преподавании истории в коммунистической школе. Москва, Отд. подготовки учителей Ком нар. прос. Союза коммун. Сев. обл., 20 с.
- Некрылова О.Г. 2023. Школьное историческое образование в 1920-е – начале 1930-х гг.: от рабочих книг к стабильным учебникам. *Вестник педагогических наук*, 2: 51–55.
- Покровский М.Н. 1965. Избранные произведения. Москва, Мысль, 132 с.
- Покровский М.Н. 1933. Историческая наука и борьба классов. Выпуск I. Москва, Гос. социально-экономическое изд-во, 325 с.
- Современность и обществоведение в школе. 1923. *Сб. статей под ред. М.Н. Коваленского и В.Н. Шульгина*. Москва, Новая Москва: 88.
- Чемоданова Т.В. 2009. Становление школьного обществоведческого образования в 1920-е годы (на материалах Нижнего Поволжья). *Альманах современной науки и образования*. 1–2: 173–176.

References

- Bagrova N.A. 2001. Stanovlenie shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v sovetskoj Rossii, 1920–1934 gg. [The Formation of School Historical Education in Soviet Russia, 1920–1934]. Abstract. dis. ... cand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 26 p.
- Bushhik L.P. 1961. Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [An Essay on the Development of School Historical Education in the USSR]. Moscow, Akad. ped. nauk RSFSR, 542 p.
- Bykova E.Ju. 2011. Reformirovanie sistemy shkol'nogo obrazovaniya v SSSR v 1917–1930 gg.: organizacionnye i ideologicheskie aspekty [The Reform of the School Education System in the USSR in 1917–1930: Organizational and Ideological Aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 1(13): 1–11.
- Vitevickij V.P. 2016. Istorija kak predmet v shkolah Rossii. Chast' 2. Istoricheskoe obrazovanie v SSSR [History as a Subject in Russian Schools. Part 2. Historical Education in the USSR]. *Obozrevatel'*, 8(319): 68–91.
- Gorelov M.M. 2017. Jevoľucija i kontinuitet anglijskih politicheskikh tradicij v tvorchestve Je. Frimena [The Evolution and Continuity of English Political Traditions in the Works of E. Freeman]. *Dialog so vremenem*, 58: 271–284.
- Grishaev O.V. 2014. Istoricheskoe obrazovanie i istoricheskaja nauka v SSSR v konce 1920 – nachale 1930-h gg. [Historical Education and Historical Science in the USSR in the Late 1920s and Early 1930s.]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*, 15(186): 144–151.
- Efimov A.V. 1957. Izuchenie v SSSR novej istorii za sorok let (1917–1957) [The Study of Modern History in the USSR for Forty Years (1917–1957)]. *Voprosy istorii*. 10: 220.
- Kiselev M.Ju. 2019. М.Н. Покровский и его школа: оценка историка А.В. Шестакова. Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы

- Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation] (Tomsk, 3–4 oktjabrja 2019 goda). Tomsk, Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet: 149–153.
- Konstantinov N.A., Medynskij E.N. 1948. Oчерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет [Essays on the History of the Soviet School of the RSFSR for 30 Years]. Moscow, Gos. Uch.-ped. izdatel'stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 472 p.
- Krugljak M.I. 1964. Razvitie osnovnyh vzgljadov na prepodavanie istorii v russkoj shkole [The Development of Basic Views on Teaching History in Russian Schools]. Abstract. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 43.
- Kurilov V.A. 2019. "Stroitel' kommunizma" i "homo religiosus" v filosofskom diskurse marksistsko-leninskoj jetiki ["The Builder of Communism" and "homo religiosus" in the Philosophical Discourse of Marxist-Leninist Ethics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 3: 102–117.
- Lipatova N.V. 2020. Politobrazovanie kak instrument formirovanija novogo cheloveka v 1920-e gg. In.: *Lenin... Istorija, pamjat', obraz: transformacija istoricheskoi pamjati v prostranstve regionov v XX – nachale XXI v. Materialy II Mezhdunarodnogo foruma istorikov, filosofov i publicistov. K 150-letiju so dnja rozhdenija V.I. Lenina* [Lenin... History, Memory, Image: The Transformation of Historical Memory in the Space of Regions in the XX – Early XXI Century. Proceedings of the II International Forum of Historians, Philosophers and Publicists. On the 150th Anniversary of the Birth of V.I. Lenin] (22 aprlja – 08 oktjabrja 2020 goda). Ul'janovsk, Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija "Centr strategicheskikh issledovanij Ul'janovskoj oblasti": 182–184.
- Lubkov A.V. 2024. O edinom uchebnike istorii. Konceptual'nye podhody [About the Unified History Textbook. Conceptual Approaches]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1(2ch): 311–312.
- Lunacharskij A.V. 1918. O prepodavanii istorii v kommunisticheskoi shkole [About Teaching History in a Communist School]. Moscow, Otd. podgotovki uchitelej Kom nar. pros. Sojuza kommun. Sev. obl., 20 p.
- Nekrylova O.G. 2023. Shkol'noe istoricheskoe obrazovanie v 1920-e – nachale 1930-h gg.: ot rabochih knig k stabil'nyim uchebnikam [School Historical Education in the 1920s and Early 1930s: From Working Books to Stable Textbooks]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*, 2: 51–55.
- Pokrovskij M.N. 1965. Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Moscow, Mysl', 132 p.
- Pokrovskij M.N. 1933. Istoricheskaja nauka i bor'ba klassov. Vypusk I. [Historical Science and the Class Struggle. Issue I]. Moscow, Gos. social'no-jekonomicheskoe izd-vo, 325 p.
- Sovremennost' i obshhestvovedenie v shkole [Modernity and Social Studies at School]. 1923. *Sb. statej pod red. M.N. Kovalenskogo i V.N. Shul'gina*. Moscow, Novaja Moskva: 88.
- Chemodanova T.V. 2009. Stanovlenie shkol'nogo obshhestvovedcheskogo obrazovanija v 1920-e gody (na materialah nizhnego povolzh'ja) [The Formation of School Social Science Education in the 1920s (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 1–2: 173–176.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.02.2025

Received 04.02.2025

Поступила после рецензирования 30.04.2025

Revised 30.04.2025

Принята к публикации 05.05.2025

Accepted 05.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ермоченко Константин Павлович, аспирант кафедры истории и права, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Konstantin P. Ermochenko, Postgraduate Student of the Department of History and Law, Smolensk State University, Smolensk, Russia

 [ORCID: 0009-0004-1150-4287](https://orcid.org/0009-0004-1150-4287)